
НАКАНУНЕ 18 ФРЮКТИДОРА (анатомия одного государственного переворота)

Д.Ю. Бовыкин

История Французской революции XVIII века богата государственными переворотами. 31 мая – 2 июня 1793 г., 9 термидора II года Республики, 18 фрюктидора V года, 22 флореаля VI года, 30 прериала VII года, 18 брюмера VIII года... Все эти события не единожды привлекали внимание историков, однако «расследовать» удачный государственный переворот всякий раз оказывалось невероятно трудно: слишком многое происходило «за кадром», на основе личных договоренностей, не оставляя следов в документах. Значительно проще, оказалось проанализировать и разложить на составляющие *неудачную* попытку переворота...

События, о которых пойдет речь, относятся к лету 1797 г. Франция в то время жила по Конституции III года Республики, предполагавшей ежегодное обновление обеих палат законодательного корпуса (Совета старейшин и Совета пятисот) на одну треть. Когда двумя годами ранее Конвент принимал эту Конституцию, его депутаты, стремясь предотвратить немедленную победу роялистов и реставрацию монархии¹, навязали французам обязательное переизбрание на ближайших выборах двух третей членов Конвента. К 1797 г. эффект от этой предосторожности должен был сойти на нет.

Так и случилось: на очередных выборах, проходивших весной, из 216 членов Конвента, которым предстояло покинуть законодательный корпус, оказалось переизбрано лишь 11. Немало мест получили признанные роялисты, в том числе и непосредственно связанные с Людовиком XVIII. Совет старейшин возглавил Ф. Барбе-Марбуа – бывший

Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Полный вариант статьи будет опубликован в альманахе «Казус».

1 Подробнее см. : *Бовыкин Д.Ю.* 13 вандемьера: кто виноват? // ФЕ. 2006. М., 2006.

воспитатель детей маршала де Кастри и высокопоставленный дипломат при Людовике XVI. Во главе Совета пятисот встал популярный генерал Ж.Ш. Пишегрю, уже долгое время к тому моменту состоявший в переписке с Людовиком XVIII и пообещавший предать Республику в обмен на маршальский жезл и другие блага². Складывалось ощущение, что сторонники монархии перешли в решительное наступление: был отменен закон, запрещающий эмигрантам участвовать в выборах, отменялась высылка из страны неприсягнувших священников.

Произошел раскол и в самой Директории. В 1797 г. в нее входило четверо «цареубийц» (бывших депутатов Конвента, проголосовавших за казнь Людовика XVI) П. Баррас, Л.-М. Ларевельер-Лепо, Ж.-Ф. Ребель и Л. Карно. Пятым директором в мае 1797 г. стал видный дипломат Б.Ф. Бартелеми, один из творцов Базельского мира. В условиях резкого поправления законодательного корпуса политическая позиция директоров имела особенно важное значение. Хотя Директория не обладала легальной возможностью влиять на законотворчество или кассировать выборы в Советы, она оставалась единственной силой, способной сохранить республику. Но захочет ли она это сделать? И сможет ли? Ответы на эти вопросы были отнюдь не очевидными.

Формально все пятеро директоров являлись республиканцами. На деле же, бесспорными считались республиканские убеждения лишь Ларевельера-Лепо. Роялисты пытались вести переговоры и с Карно³, и с Баррасом⁴: первый им отказал, второй колебался. Ребеля в Париже также называли сторонником королевской власти⁵, склонность Бартелеми к реставрации монархии почти ни у кого не вызывала сомнений.

Не связывали директоров и личные симпатии. Разве что Ребель традиционно поддерживал Барраса, склонявшегося к противостоянию с Советами, а Карно лучше других ладил с Бартелеми, готовым, как и он, принять сторону законодательного корпуса. Причем, если Бартелеми усиление роялистов, в общем и целом, устраивало, то Карно просто предпочитал оставаться на позициях законности. Таким образом, пози-

---

2 См., например: Archives du Ministère des Affaires Etrangères. Mémoires et documents. France. Fonds Bourbons (далее – МАЕ). 589. 1796. F. 160ss.

3 См., например: Kuscinski A. Dictionnaire des conventionnels. Brueil-en-Vexin, 1973. P. 113.

4 Baudot M.-A. Notes historiques sur la Convention Nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des votants. Genève, 1974. P. 257; Thureau-Dangin P. Royalistes et Républicains. P., 1888. P. 31.

5 Kuscinski A. Op. cit. P. 521.

ция Директории зависела от того, чью сторону примет Ларевельер. Тот ранее был солидарен с Карно и с прежним директором Э. Летурнёром, но примерно с середины июля 1797 г. встал на сторону Барраса и Ребеля. Директория оказалась расколота: трое против двух. Однако председателем Директории в тот момент был Карно: хотя этот пост имел, по большей части, техническое значение и для принятия решения требовались подписи трех любых директоров, должность председателя облегчала Карно обращение в другие органы власти и позволяла выступать от имени правительства.

Эти разногласия не были тайной для Советов: депутаты понимали, что возникновение «триумvirата» Барраса, Ларевельера-Лепо и Ребеля таит для них непосредственную опасность. Тем не менее, сценарий будущих событий 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.), когда «триумvirат» введет в Париж войска, примет решение об аресте Карно и Бартеlemi и заставит законодательный корпус кассировать выборы, предусмотреть было трудно – ведь государственный переворот практически означал крушение Конституции III года, а значит, как казалось депутатам, и крушение самой Директории. К тому же, хотя идея использовать против политических противников войска витала в воздухе, от этого законодателей защищала та же самая Конституция: статья 69 запрещала Директории без разрешения законодательного корпуса подводить войска к столице ближе, чем на 6 мириаметров (60 километров)⁶.

Перед замышлявшими переворот директорами возникла и иная проблема: на кого именно из популярных генералов можно положиться. Известный французский историк Л. Мадлен повествует о событиях лета 1797 г. следующим образом:

«Баррас делал смотр солдатам: Моро⁷ – “политическое ничтожество” (какая высокая похвала для солдата!); Бонапарт опасен и слишком далек; один Гош подходил. Под предлогом поручения ему портфеля военного министра директор вызвал его в Париж. В действительности возраст генерала не соответствовал требованию закона о возрастном цензе для министра. Баррас убедил его, что в

---

6 Т.е. на расстояние 12-часового перехода. – *Bergounioux E.* *Essai sur la vie de Lazare Hoche*. P., 1852. P. 454. Эту зону принято было называть «конституционным районом».

7 Жан Виктор Моро (1763-1813), в декабре 1793 г. стал одним из самых юных генералов Республики, получил под свое командование Северную армию (1795), а затем и армию Рейна и Мозеля (1796).

Тюильри⁸ хотя восстановить короля, и Гош согласился исполнить поручение. “Мы условились с генералом, – пишет Баррас, – что его армия выскажется”. Так открылась эпоха пронунциаменто. Было условлено, что 4 полка армии Самбры и Мезы получат приказ отправиться в Брест. Достигнув Корбеля, они без колебаний перейдут границу конституционного района и 14 или 15 термидора отдадут себя в распоряжение Люксембурга⁹.

Но эти подготовительные меры не остались в тайне; 4 термидора Обри в Совете пятисот указал на передвижение войск; Карно на вопросы депутатов естественно ответил, что ему ничего не известно об этом подозрительном передвижении, но спросил Барраса, который испугался и ответил отрицательно. Тогда Карно, председатель Директории, захотел окончательно выяснить дело и вызвал Гоша, который был в Париже в ожидании своих полков. Разыгралась тяжелая сцена: Гош благородно не предал Барраса, который трусливо отказался от него. Но в тот же вечер Гош уехал, преисполненный отвращения и сожаления, и этот последний удар оказался для него столь сильным, что, давно снедаемый какой-то таинственной болезнью, он умер несколько дней спустя¹⁰.

Текст Л. Мадлена содержит явные ошибки (так, например, Гош скончался лишь 9 сентября, то есть через месяц с лишним после описанных событий, к тому же отнюдь не от какой-то таинственной болезни, а от туберкулеза), но еще больше он вызывает вопросов. Вроде бы налицо явный заговор, однако Баррас был слишком опытным политиком, чтобы организовать его столь бездарно. Как он мог посулить Гошу пост военного министра, если ст. 148 Конституции гласила, что министр не должен быть моложе 30 лет? Еще более странно, что Гош ожидал свои полки в Париже, тогда как куда более разумно ему было оставаться при армии, столь явно нарушающей основной закон страны. И, если Баррас сделал вид, что ничего не знает о передвижении войск, не понятно, почему Карно не предпринял мер для наказания мятежного генерала.

Все эти нестыковки заставили меня присмотреться к данной истории более внимательно. И очень быстро я обнаружил, что Л. Мадлен отнюдь не одинок: как современники, так и историки противоречат друг другу и в датах, и в фактах, и в объяснениях подоплеки событий.

---

8 Резиденция Совета старейшин.

9 Резиденция Директории.

10 *Мадлен Л.* Французская революция. Берлин, 1922. Т. 2. С. 262-263.

* * *

Не сложно предположить, почему для борьбы с депутатами-роялистами был избран именно Луи Лазар Гош (1768-1797). Поступив на военную службу за пять лет до падения Старого порядка, Гош уже осенью 1793 г. стал бригадным генералом. Посидев в тюрьме при диктатуре монтаньяров, он после 9 термидора вернулся на вершину военной иерархии. На его счету замирение Бретани и Вандеи, разгром роялистского десанта на полуострове Киберон, бои на правом берегу Рейна и даже неудачная попытка высадиться на берегах Ирландии. Возглавив армию Самбры и Мезы, Гош в июне 1797 г. отправился в Голландию, а затем занялся подготовкой второй экспедиции в Ирландию.

Гош был убежденным республиканцем. Он не только отверг попытки роялистов склонить его в 1796 г. на свою сторону, но и поставил об этом в известность Директорию¹¹. В письмах директорам и министру полиции он призывал к самым суровым мерам в отношении сторонников восстановления монархии: «Если закон не способен их уничтожить, надо их поставить вне закона!»¹². Лучший выбор для сложившегося в Директории «триумвирата» трудно было себе представить. Однако логика этого решения – пожалуй, единственный бесспорный момент в данной истории.

Гораздо менее очевидны ответы на следующие, ключевые для понимания сюжета, вопросы. Когда и от кого Гош получил приказ на переброску войск? Как, когда и почему он был назначен военным министром? Существовала ли предварительная договоренность между Гошем и Баррасом, и если да, то когда она была достигнута и в чем заключалась?

Проще всего оказалось разобраться с назначением Гоша военным министром. Если верить мемуарам Барраса, то впервые речь о замене Гошем предыдущего министра, генерала К.Л. Петье, зашла 23 мессидора (11 июля), а окончательное решение было принято Директорией

---

¹¹ Попытки эти, скорее всего, были вызваны надеждой роялистов использовать нелюбовь Гоша к Конвенту. См., например: МАЕ. 589. F. 250-258v.

¹² *Desprez Cl. Lazare Hoche d'après sa correspondance et ses notes.* P., 1858. P. 363ss., 369.

28 мессидора (16 июля)¹³. Однако Баррас ничего не говорит ни о том, почему выбор пал на Гоша, ни о том, что генерал находился в это время в Париже.

Сама идея предложить министерский пост человеку, который явно не подходил для него по возрасту, выглядит довольно странно. Генерал родился в июне 1768 г. – таким образом, до 30 лет ему не хватало без малого года. Ситуацию проясняют мемуары Ларевельера-Лепо:

«Ребель и Баррас сказали мне об этом сразу же, как только я его предложил. “Я знаю, – ответил я им, – что Гош не может быть министром. И что? После того, как он заявит, что неправомочен по возрасту, мы сделаем другой выбор; но кандидатура Гоша станет для всей армии доказательством того, что военными делами руководит большинство Директории, и что Карно больше не имеет на них влияния. Для человека, а в особенности для военного, характерно вставать на сторону тех, кто распределяет чины и деньги”»¹⁴.

Заметим, что тогда не только Петье потерял свой пост. Директория произвела массовую замену министров, причем те, кто либо подозревался в роялизме, либо воспринимался, как и Петье, в качестве креатур Карно¹⁵, отправлялись в отставку, а на их место назначались ставленники «триумvirата».

Более или менее точно можно ответить и на вопрос, когда был отдан приказ войскам Гоша двигаться на Брест. В архиве сохранилось письмо от 13 мессидора (1 июля), отправленное Гошем из Кельна военному министру, где Петье извещался, что, «в соответствии с распоряжениями Исполнительной директории» через несколько дней два подразделения армии Самбры и Мезы начнут движение на Алансон¹⁶. 17 мессидора Гош сообщил начальнику своего штаба, генералу Л.Н.Г. Шерену, что пехотная дивизия генерала Л. Лемуана (имевшего, замечу, в армии репутацию «якобинца») получила приказ двигаться через Льеж на Шартр, откуда ей предстоит выступить в Брест для погрузки на корабли¹⁷. Таким образом, теряют всякий смысл рассуждения тех истори-

13 *Barras P. Mémoires de Barras, membre de Directoire. P., 1895. Vol. 2. P. 471, 475.*

14 *Larevellière-Lépeaux L. Mémoires de Larevellière-Lépeaux, membre du Directoire exécutif de la République française et de l'Institut national. P., 1895. Vol. 2. P. 120.*

15 *Barras P. Op. cit. P. 475.*

16 Archives Nationales (далее -- А.Н.), AF III 463. Plaquette 2801. Doc. 44.

17 А.Н. 193 AP 3. Doc. 18.

ков, которые, подобно Ж. Годшо, полагали, что Гош начал перемещение своих войск, лишь став военным министром¹⁸. В начале июля о его назначении еще не было и речи.

Труднее всего ответить на третий вопрос: была ли изначально эта переброска войск частью некоего заговора? Подозреваю, что точного ответа на этот вопрос мы не получим никогда: разумеется, сам Гош все отрицал, авторам мемуаров можно доверять лишь до известной степени, а историки, хотя и сходятся в том, что заговор был, трактуют его совершенно по-разному.

К тому же, примерно до середины июля маршруты перемещения указанных частей из армии Самбры и Мезы не вызвали ни малейших подозрений: их путь в Брест вполне мог идти и через Льеж, и через Шартр, и через Алансон.

Поскольку главным автором заговора обычно называют Барраса, логичным кажется, прежде всего, обратиться к его воспоминаниям. Однако они в данном случае на редкость лаконичны: «Хотя войска [...] действительно должны были прибыть в Брест, мы договорились с Ребелем и Ларевельером, что они направятся в Париж. Двое моих коллег поручили мне обсудить это дело с Гошем, и приближение войск [к Парижу] стало следствием этих переговоров»¹⁹. Больше никаких подробностей. К тому же Баррасу решительно противоречит другой директор, столь же склонный, впрочем, давать волю своей фантазии. По словам Ларевельера-Лепо, и он сам, и Ребель узнали о переброске войск лишь вместе со всеми остальными гражданами. Дезавуировать же действия Барраса, опытного мастера интриги, они не решились, опасаясь, что подобная демонстрация раскола внутри «триумvirата» будет на руку роялистам²⁰. К сожалению, не оставил своих воспоминаний третий член «триумvirата», Ребель, тогда как именно его, а не Барраса, английские агенты считали ответственным за переговоры с Гошем²¹.

В воспоминаниях современников можно, правда, встретить и принципиально иную точку зрения. Так, известный роялистский агент Л.Фош-Борель полагал, что на формирование заговора повлияла ненависть Гоша к Пишегрю: якобы командующий специально засылал в

18 *Godechot G.* La contre-révolution. P., 1984. P. 312.

19 *Barras P.* Op. cit. P. 484.

20 *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. P. 121.

21 См.: *Fryer W.R.* Republic or Restoration in France? 1794–1797. Manchester, 1965. P. 250.

столицу своих людей, чтобы они порочили Пишегрю в газетах, и предвкушая падение Пишегрю, он согласился на просьбу «триумvirата» направить в Париж войска²².

Версии же историков, в том числе и самых именитых, весьма разнятся. К тому же исследователи порою противоречат как сами себе, так и источникам. К примеру, А. Матьез указывает, что Баррас начал переговоры с Гошем 20-25 июля после того, как решил поддержать сторонников республики, однако в следующем же абзаце датирует начало переговоров двадцатыми числами июня, то есть примерно тремя неделями ранее отставки министров²³.

Ряд авторов утверждает, что Гош побывал в Париже (и даже некоторое время находился там) еще в начале июля²⁴, обо всем договорился с Баррасом, и лишь после этого было принято решение назначить генерала министром обороны. Однако эту версию опровергают сохранившиеся в архивах письма, согласно которым, 1 и 3 июля генерал находился в Кельне, а 7-го – в Кобленце²⁵, что делает посещение им в эти дни Парижа маловероятным.

Можно встретить и иную версию: Гоша изначально (но когда?) вызвал в Париж морской министр вице-адмирал Л.Ж.-ФТрюге. В столице генерал встретился с Баррасом, предложил ему помощь своей армии, хотя и предполагал, что вмешательство вооруженных сил может и не понадобиться: достаточно, чтобы они осуществили «моральное давление», а главная роль в перевороте будет принадлежать Директории²⁶. В этой гипотезе, разумеется, нет ничего невозможного, но тогда такая встреча должна была произойти еще до принятия решения о десанте в Ирландию, то есть до двадцатых чисел июня. Возможно, подобные разговоры и велись, однако они поневоле должны были носить весьма общий характер – хотя бы потому, что Баррас к тому времени еще не обеспечил себе большинства голосов внутри самой Директории.

К сожалению, о том, что именно планировали Гош и Баррас, мы так-

---

22 *Fauche-Borel L.* Mémoires de Fauche-Borel. P., 1892. Vol. 2. P. 129, 130.

23 *Mathiez A.* Le Directoire. P., 1934. P. 318.

24 См., например : *Desprez Cl.* Op. cit. P. 325-326.

25 A.N., AF III 463. Plaqueette 2801. Doc. 41; Ibid. Doc. 44; Ibid. Plaqueette 2802. Doc. 93.

26 *Bergounioux E.* Op. cit. P. 453. Другой историк, Б. Бержеро, повторяя слова о том, что Гош прибыл в Париж по вызову морского министра, датирует это событие лишь 18 июля. – *Bergerot B.* Hoche: un sans-culotte aristocrate. P., 1988. P. 107.

же можем судить лишь по косвенным свидетельствам: ни один из непосредственных участников событий никаких документов на сей счет не оставил. Крайне любопытна в данном отношении выпущенная по горячим следам книга весьма осведомленного современника – А. Русселена де Корбо, работавшего одно время в Министерстве внутренних дел и в администрации департамента Сена. Как полагает Русселен, план заговора был следующим: Гош возвращается к армии, издает обличающую роялистов прокламацию, в течение двух дней отправляет ее Директории в Париж, не позднее, чем через пять дней начинает движение на столицу, занимает все заставы, депутаты-республиканцы арестовывают депутатов-роялистов. На весь переворот отводились сутки, после чего войска Гоша должны были продолжить движение на Брест²⁷. Увы, проверить показания Русселена сегодня уже невозможно.

* * *

О том, что какие-то войска приближаются к Парижу, в столице стало известно 30 мессидора (18 июля). В Совете пятисот поднялась паника: говорили то о восьми, то о десяти тысячах солдат, угрожающих национальному представительству, требовали разъяснений у Директории²⁸. На следующий день Петье, продолжавший несмотря на отставку исполнять обязанности военного министра, отправил Директории послание, в котором официально извещал ее о запросе, полученном им из небольшого городка Ля Ферте-Алэ (*La Ferté-Alais*), расположенного к югу от Парижа и к западу от Фонтенбло. Поскольку переброску войск необходимо было готовить заранее, военный комиссар Лесаж заблаговременно проинформировал²⁹, как положено, муниципалитет Ля Ферте-Алэ о том, что 12 термидора туда придут 4 полка по 700 человек, с ними – 700 лошадей и штаб возглавляющего подразделение генерала Ришпанса³⁰. 30 мессидора, когда новость достигла Ля Ферте-Алэ, муниципальный совет провел экстренное заседание³¹ и поспешил изве-

---

27 *Rousselin A. Vie de Lazare Hoche, général des armées de la République française. P., an VIII. P. 282.*

28 Réimpression de l'ancien Moniteur (далее – Moniteur). P., 1843. Vol. XXVIII. P. 747.

29 A.N., AF III 463. Plaquelette 2800. Doc. 5.

30 Антуан Ришпанс (1770-1802) поступил на военную службу в 1785 г., получил чин бригадного генерала в 1796 г. на поле боя. Отличался храбростью и решительностью.

31 A.N., AF III 463. Plaquelette 2800. Doc. 6.

стить военного министра о своем недоумении: Ля Ферте-Алэ находится в пределах конституционного района, куда вход войск без специального разрешения запрещен Конституцией.

Известный исследователь переворотов времен Директории А. Мейнье полагает, что сведения, оглашенные на заседании Совета пятисот 30 мессидора, были получены депутатами именно от Петье, который после отставки решил, что не обязан более хранить служебную тайну и поделился информацией с друзьями из Советов³². Теоретически это возможно: Ля Ферте-Алэ находится менее чем в 60 километрах от Парижа, в Совете пятисот вопрос о передвижении войск был поднят 30 мессидора ближе к концу заседания, а муниципалитет мог отправить письмо с самого утра. К тому же Петье действительно находился в весьма тесных отношениях с Пишегрю и роялистами из Советов³³. Другое дело, что никаких доказательств этой версии Мейнье не приводит.

Поставив Директорию в известность о запросе муниципалитета Ля Ферте-Алэ, Петье обратился к ней с настоятельной просьбой либо изменить маршрут движения войск, либо затребовать у законодательного корпуса разрешение на их проход³⁴. Директория сразу же отправила официальный запрос министру по морским делам и колониям с просьбой сообщить, что он об этом знает. Запрос подписали Карно, Бартелеми и Ларевельер³⁵. Трюге ответил, что, поскольку морское министерство не имеет никакого отношения к перемещениям сухопутных войск, оно о них ничего не ведает³⁶. Впрочем, удивление министра явно было наигранным: в своем стремлении откреститься от скандала он «забыл», что за первую экспедицию Гоша в Ирландию отвечало именно его ведомство. И, как мы увидим далее, приказ Гошу готовиться к новому десанту также шел через это министерство.

---

32 *Meynier A.* Les coups d'état du Directoire. Le dix-huit fructidor an V (4 septembre 1797). P., 1927. P. 59. Правда Мейнье датирует это событие 29 или 30 мессидора, тогда как мы знаем, что 30 мессидора только состоялось заседание муниципалитета Ля Ферте-Алэ.

33 См., например, письмо Матье Дюма генералу Моро от 30 мессидора V года. – *Pierre V.* Le 18 fructidor. Documents pour la plupart inédits. P., 1893. P. 36.

34 A.N., AF III 463. *Plaqueette* 2800. Doc. 4.

35 На мой взгляд, это может свидетельствовать о том, что Ларевельер к этому времени еще не противопоставил себя окончательно Карно и Бартелеми. Впрочем, вне контекста подобные выводы неизбежно будут шаткими: не исключено, что Карно просто подписал запрос у тех двух директоров, которые оказались на месте. – A.N., AF III 463. *Plaqueette* 2800. Doc. 1

36 *Ibid.* Doc. 2.

Рискну предположить, что инициативность и строптивость муниципалитета Ля Ферте-Алэ сыграли в этой истории решающую роль: никто и предположить не мог, что его члены направят протест военному министру. Баррасу пришлось срочно решать, что делать. Вступать в конфликт с возглавлявшим Директорию Карно без опоры на солдат Ришпанса было слишком опасно, а Карно начал активно действовать: 2 термидора Директория сообщила Совету пятисот, что войска Ришпанса по неизвестным причинам пересекли границу конституционного района. Послание подписали все пять директоров, последним это сделал Баррас³⁷.

2 термидора (20 июля) на заседании Совета пятисот информацию о перемещении войск – уже со всеми подробностями – огласил депутат Ф. Обри, который в это время занимал важную должность инспектора зала заседаний, то есть был в числе тех, кто отвечал за безопасность Совета. Его выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Обри сообщил коллегам, что четыре полка ожидаются в Ля Ферте-Алэ и еще несколько – в Суасоне. По его предложению Совет принял декрет, обязывающий Директорию отчитаться об этой передислокации войск, сообщить, кто отдал такой приказ, и наказать виновных³⁸. Разразился скандал: депутат П. Анри-Ларивьер, которого республиканцы то и дело обвиняли в переписке с агентами Людовика XVIII и в стремлении свергнуть правительство, заявил, что в Директории нет единства, а Петье якобы был смещен в тот самый момент, когда выразил протест против переброски войск, которые, как утверждал Анри-Ларивьер, идут не только на Ля Ферте-Алэ и Суасон, но также в Шартр и даже в Париж.

Директория ответила оперативно: по ее словам, 4 полка стрелков действительно должны прибыть в Ля Ферте-Алэ, о чем ее накануне извещил военный министр. Однако нет никаких причин для беспокойства, поскольку, скорее всего, имеет место просто ошибка военного комиссара, и солдаты направляются отнюдь не в столицу. «Тем не менее, – не без иронии заверяла Директория, – она накажет виновных, если таковые будут найдены»³⁹. Беспечная тональность ответа ставит исто-

---

37 Ibid. Doc. 7.

38 Moniteur. Vol. XXVIII. P. 747.

39 Moniteur. Vol. XXVIII. P. 748. См. также: Message. Extrait du registre des délibérations du Directoire exécutif du 2 Thermidor, l'an cinquième de la République française, une et indivisible. P., Thermidor, an V.

риков перед необходимостью как-то истолковать позицию Карно, писавшего это послание в качестве председателя Директории. По каким причинам он решил не устраивать скандала и не воспользовался удобным предложением, чтобы провести расследование и свалить кого-либо из соперников, а то и весь «триумvirат»?⁴⁰ Наиболее убедительное объяснение этому таково: как раз 20 июля Баррас ознакомил коллег с документами, перехваченными Бонапартом и избличавшими председателя Совета пятисот генерала Пишегрю в тесных связях со сторонниками монархии. Карно, не будучи роялистом, наконец, осознал, чем вызвано агрессивное поведение правой части законодательного корпуса и чем оно грозит умеренным республиканцам⁴¹.

Не удивительно, что Совет пятисот остался неудовлетворен этим посланием Директории. Депутаты «вспомнили», что в правительстве есть еще один человек, обязанный пресекать нарушения Конституции – министр полиции. Однако – случайно или специально – на место опытного политика и чиновника Ш. Кошона, считавшегося кратурой Карно, при смене министров поставили Ж.Ж. Лемуара-Лароша – известного и талантливый публициста, не обладавшего опытом практической работы и оказавшегося совершенно неспособным справиться со своими обязанностями. Получая со всех сторон сообщения о многочисленных заговорах, Лемуар-Ларош быстро перестал отличать правду от вымысла и пришел в мало адекватное состояние, постоянно опасаясь за свою жизнь. В те дни ему было совершенно не до Гоша: новоиспеченный министр отчаянно пытался разобраться в доставшемся ему наследстве, впадая во все большую депрессию⁴².

---

40 А. Матьез сообщает даже, что для этого все было готово: планировалось, что депутаты потребуют ответа у Директории, Карно придется, будучи ее председателем, прийти на заседание Законодательного корпуса, а там он обвинит во всем «триумvirат», депутаты проголосуют за его арест, и поручат Пишегрю, назначив его командующим гарнизоном Парижа, провести этот декрет в жизнь (Mathiez A. Op. cit. P. 320). Несмотря на кажущуюся безупречность подобного плана, он явно мог зародиться только в воображении историка, плохо знакомого с Конституцией III года. Ведь ее ст. 160 прямо запрещала любому из членов Директории появляться на заседаниях Советов за исключением одного случая: вынесения против этого директора обвинения по всей форме. Кроме того, Совет пятисот не имел никакого права принимать решение об аресте директоров: он мог лишь, согласно ст. 118, призвать члена Директории к ответу, и тот в течение трех дней обязан был явиться в суд.

41 Fryer W.R. Op. cit. P. 253; Mathiez A. Op. cit. P. 321

42 См., например: Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. P. 116-117.

В тот же день, 2 термидора, в столицу прибыл Лазар Гош. Как ни странно, мне не удалось обнаружить никаких свидетельств, был ли он *вызван* в Париж в связи с назначением военным министром или же для объяснения столь подозрительных передвижений его солдат. Судя по всему, Гош оказался в городе по собственной инициативе (скорее всего, будучи обеспокоенным судьбой заговора). По крайней мере, именно так трактует его появление Ларевельер⁴³. По другой версии, высказанной впоследствии А.К. Тибодо, в то время являвшегося влиятельным депутатом Совета пятисот, Гош тайно и заблаговременно послал в Париж Шерена. Когда тот убедился, что роялистский заговор действительно существует, он отправил Гошу доклад, и командующий тут же появился в столице⁴⁴.

Сразу по приезде, генерал нанес визит в Люксембургский дворец, где встретился с директорами. Рассказ об этой встрече сохранился в мемуарах Ларевельера-Лепо:

«Карно, бывший тогда еще председателем, с излишней сухостью и жесткостью подверг его настоящему допросу. Затем он осыпал его самыми страшными угрозами и объявил, что отдаст под суд.

Гош [...] постоянно бросал взгляды на Барраса, а тот трусовато не отрывал глаз от лежащей перед ним бумаги, не рискуя сказать ни единого слова, чтобы оправдать скомпрометированного им генерала, с которым он состоял в самых тесных отношениях с первых дней Революции. Я же, напротив, находился с Гошем лишь в тех отношениях, которых требовали занимаемые нами должности, и не принимал никакого участия в том, что он оказался вовлечен в столь затруднительные обстоятельства. Тем не менее, я взял слово [...].

Прежде всего, я спросил Карно, по какому праву он подвергает генерала настоящему допросу, по какому праву он объявляет ему о предании суду, по какому праву, наконец, угрожает? Я напомнил ему о том, о чем он не должен был забывать: в качестве председателя, он может говорить от имени правительства лишь по итогам коллективно принятых решений»⁴⁵.

По словам Ларевельера, когда он вернулся к себе, Гош его уже ждал. Стоило генералу узнать об обмане Барраса, заверявшего, что приказ о перемещении войск исходит от большинства членов правитель-

---

43 Ibid. P. 123.

44 *Thibaudeau A.C. Mémoires sur la Convention et le Directoire. P., 1824. Vol. 1. P. 233.*

45 *Larevellière-Lépeaux L. Op. cit. P. 122-123.*

ства, негодованию его не было предела. Той же ночью, после встречи с Баррасом, Гош якобы вернулся к армии⁴⁶. Разумеется, трудно сказать, в какой степени весь рассказ Ларевельера-Лепо заслуживает доверия. Судя по тому, что после встречи с Гошем Директория не прекратила попыток выяснить, кто же виновен в сложившейся ситуации, Баррас действительно не рискнул взять ответственность на себя, а также не смог (или не захотел) организовать принятие «триумвиратом» окончательного решения по этому поводу.

Поскольку директора попросили Гоша изложить свои объяснения в письменном виде⁴⁷, он в тот же день направил им послание, выразив изумление теми подозрениями, которые вызвали его воины, и высказал стремление рассказать «всю правду». В частности, там говорилось, что 11 мессидора (29 июня) по возвращении из Голландии он получил распоряжение морского министра (*sic!*) возглавить новую экспедицию в Ирландию и собрать для этой цели в окрестностях Бреста «войска, в которых, по моему мнению, я буду для этого нуждаться». Иными словами, 8-10 тысяч человек. «Зная, – продолжал Гош, что в бывшей Бретани есть лишь пехотные подразделения, сугубо необходимые для охраны ее берегов и *абсолютно* нет ни *кавалерии*, ни *артиллерии*⁴⁸, я счел нужным вызвать во исполнение этого приказа из армии Самбры и Мезы шесть тысяч пехотинцев, 2 000 кавалеристов и 1000 артиллеристов». Соответствующие приказы и были отданы генералам. Небезынтересно, что в этом документе Гош пытается сложить с себя всякую ответственность за нарушение войсками границ конституционного района:

«Прошу отметить, граждане Директоры, что я ни коим образом не приказывал, что лучше пройти через тот город, а не через этот, что военный министр должен был быть предупрежден о части перемещений и, наконец, что я получил от самой Директории подтверждение приказов, переданных морским министром.

Будучи весьма счастлив возможностью немного отдохнуть, я вос-

---

46 Ibid. P. 124-126. Показательно, что, рассказывая об этой встрече, Баррас ни словом не обмолвился о том, что Гош был недоволен отсутствием должной поддержки. – *Barras P. Op. cit. P. 484.*

47 *Barras P. Op. cit. P. 484.*

48 Как ни странно, при расследовании инцидента никто не попытался проверить, так ли обстояло дело в действительности, несмотря на то, что 13 термидора генерал Вилло официально заявил, что видел распоряжение председателя Директории о том, что все необходимые войска Гош найдет в Бресте, поскольку там располагается более 30 000 солдат. – *Motion d'ordre par Willot, séance du 13 Thermidor, an 5. P., Thermidor, an V. P. 4.*

пользовался сложившимися обстоятельствами, чтобы отправиться в Мец к моей давным-давно покинутой семье; обретя покой, я не занимался ни [своими] людьми, ни их делами и лишь вчера, проезжая через Шалон, получил новости из Парижа...»⁴⁹

В этом послании привлекают внимание три момента. Гош не просто снимает с себя ответственность – он перекладывает ее на плечи Директории и двух министров, существенно занижая при этом, как мы увидим дальше, количество задействованных войск. Трудно рассматривать это иначе, как стремление выиграть время. Далее, Гош заявляет, что кто-то (кто?) якобы должен был предупредить военного министра о передвижении части (почему не всех?) подразделений. И, наконец, виновными неожиданно оказываются подчиненные Гошу офицеры.

3 термидора (21 июля) Гош отправляет Директории новое послание, которое должно было подтвердить его слова, и копии двух других своих писем⁵⁰. Одно из них было написано генералом в Кобленце 19 мессидора (7 июля) морскому министру в ответ на распоряжения его самого и Директории о подготовке новой экспедиции в Ирландию, отправленные из Парижа 3 мессидора (21 июня), но попавшие в руки Гошу лишь по его возвращении из Гааги. Речь в этом письме Гоша шла о перемещении 6 000 человек.

Судя по всему, получив от Гоша эти документы, Директория распорядилась начать изыскания в архивах военного и морского министерств, чтобы выяснить, что на самом деле знал, а чего не знал каждый из членов правительства. По большому счету, в этом были заинтересованы обе группировки директоров: одна – чтобы разобраться в происходящем, другая – чтобы отвести удар от Гоша.

Документы, которые содержатся далее в досье, указывают, что в своей объяснительной от 2 термидора генерал, по крайней мере частично, говорил правду: оба министра прекрасно знали о перемещении войск. Поскольку вице-адмирал Трюге был убежденным республиканцем, не исключено, что его «забывчивость» отнюдь не случайна. К тому же, он мало чем рисковал, поскольку при смене министров потерял свой пост. Что же касается Петье, то, похоже, он просто не смог связать экспедицию в Ирландию с теми сведениями, которыми Гош счел нужным

---

49 A.N., AF III 463. Plaquette 2801. Doc 39.

50 Ibid. Doc. 40-42.

с ним поделиться. Ведь в уже упоминавшемся письме военному министру от 13 мессидора (1 июля) командующий армией ни словом не обмолвился ни о десанте, ни о Ришпансе, сообщив лишь о переброске двух подразделений с Рейна в Алансон⁵¹. Не здесь ли кроется разгадка таинственной фразы из послания Гоша Директории о том, что военный министр был «предупрежден о части перемещений»?

В тот же день, 3 термидора, Директория поинтересовалась у военного министра, кто отдал приказ на переброску стрелков и какие войска находятся в окрестностях Парижа⁵². На сей раз Петье постарался переложить ответственность на военного комиссара Лесажа и на генерала Гоша, который, по словам министра, сообщил ему, что сам, дескать, все разъяснил членам Директории⁵³. Оставался вопрос, не являются ли передислокации войск, расположенных в окрестностях столицы, частью враждебного Советам плана. Отвечая на него, Петье направил Директории подробный отчет, в котором показал, что любые перемещения подразделений вокруг Парижа связаны исключительно «со сменой мест расквартирования и гарнизонов» и никаких других солдат рядом со столицей не появилось⁵⁴.

Одновременно министр поставил в известность Центральную администрацию этапных пунктов, средств передвижения и военных конвоев, что прибывшие «из окрестностей Седана» войска должны вернуться в армию Самбры и Мезы и что, таким образом, администрация и ее подчиненные не должны обеспечивать им продвижение на Запад⁵⁵. Инициатива Петье весьма занимательна: очевидно, к тому времени он уже должен был понять, что экспедиция в Ирландию находится вне сферы его компетенции, и подобный ход можно было объяснить лишь стремлением любой ценой закрыть путь армии Гоша на Париж.

4 термидора (22 июля) переписка Директории с Советом пятисот начала приобретать комический характер. Правительство сообщило депутатам, что задало географам вопрос, действительно ли Ля Ферте-Алэ находится в пределах запретной зоны. Между учеными разгорелась

---

51 Ibid. Doc. 44. Если верить другому письму из того же досье (Ibid. Doc. 43), до военного министра депеша Гоша добралась лишь 29 мессидора (17 июля).

52 Ibid. Plaqueette 2800. Doc. 13, 22, 15.

53 Ibid. Doc. 16.

54 Ibid. Doc. 26, 27.

55 *Pierre V.* Op. cit. P. 11-12. 5 термидора он повторит свой приказ еще раз (Ibid. P. 14).

дискуссия⁵⁶. В другом документе, отправленном в тот же день в Совет старейшин за подписью Карно, председатель Директории привлекал внимание законодателей к тому факту, что за все время, прошедшее с момента принятия Конституции, они так и не потрудились уточнить, каким образом должно высчитываться расстояние до границ конституционного района. В случае с Ля Ферте-Алэ Директория полагала, что до него 11 лье, однако «распространено мнение», что до него 13 лье, собранные Директорией географы посчитали, что еще больше, а географический словарь, напечатанный по распоряжению Учредительного собрания утверждал, что до этого города 12 лье⁵⁷. Таким образом, поскольку ст. 69 Конституция трактовала 6 мириаметров как «примерно 12 лье», Карно намекал, что, скорее всего, войска вовсе и не собирались пересекать границы конституционного района.

Несмотря на рассказ Ларевельера-Лепо о том, как Гош, пораженный в самое сердце вероломством Барраса, поспешил хлопнуть дверью и отправиться к армии, документы свидетельствуют, что 4 термидора командующий еще находился в Париже и явно не отказался от мысли довести дело до конца. В этот день он направил своему другу, пользовавшемуся у него большим уважением⁵⁸, генералу Ж.О.Ж. Мермету, чей 10-й гусарский полк был приведен в движение одним из первых, распоряжение встать гарнизоном в Мезьере и Шарлевиле, а также «не выполнять ничьих приказов, кроме его собственных»⁵⁹.

В тот же день Гош отправил Директории официальный отказ от должности министра обороны:

«Поскольку мой возраст не позволяет мне, граждане директоры, принять важный пост, на который меня выдвинули ваша доброта и ваше доверие, позвольте засвидетельствовать вам мою признательность и мое сожаление. Для друга отечества горестно не иметь возможности принять участие в великих трудах, которые вам поручены»⁶⁰.

Получив это послание Гоша, Директория 7 термидора (25 июля)

---

56 A.N., AF III 463. Plaquette 2800. Doc. 30.

57 Corps Législatif. Procès-verbal des séances du conseil des anciens. Imprimé en vertu de l'Acte constitutionnel. Thermidor, an V. P. 82-83.

58 *Mullié C.* Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. P., 1851. T. 2. P. 292.

59 *Pierre V.* Op. cit. P. 12.

60 A.N., AF III 458. Plaquette 2742. Doc. 19.

назначила на пост министра обороны Б.Л.Ж. Шерера – эльзасца, профессионального военного, заслужившего чины бригадного, а затем и дивизионного генерала еще при диктатуре монтаньяров.

8 термидора (26 июля) Пишегрю огласил выводы комиссии, созданной Советом пятисот для расследования инцидента⁶¹. Доклад был написан очень ярко и не оставлял в стороне ни одну несообразность этой странной истории. Привлекая внимание к необычайной уклончивости Директории, и напоминая, что ни Директория, ни военный министр не берут на себя ответственность за передислокацию подразделений, председатель Совета вопрошал: «Что же это за новый орган власти, который по своей прихоти отправляет с одного конца республики на другой столь большое количество войск с приданной им немалой артиллерией?». Кроме того, отмечал Пишегрю, даже если просто посмотреть по карте, какие дороги ведут с берегов Мезы, примерно от Намюра, до Бреста, где войска должны были погрузиться на корабли, то очевидно, что солдаты должны были пройти к северу от Парижа, а уж никак не появиться с юга.

Почему же, тем не менее, Совет воздержался от наказания виновных? Как полагал один из роялистских агентов, действовавший тогда в Париже в тесном контакте с законодателями, собранных доказательств оказалось недостаточно, чтобы обвинить кого-либо из директоров⁶², а исход суда над генералами, имевшими за спиной поддержку Директории, было довольно сложно предсказать. К тому же депутаты осознали, что им в любой момент могут задать вопрос: а чего они, собственно, так испугались? Ведь если нет никаких доказательств заговора, выходит, что представители народа боятся лучших сынов этого самого народа, защитников отечества, проливающих кровь на полях сражений. Тема оказывалась тем более щекотливой, что в столицу в изобилии прибывали обращения солдат, осуждавшие засилье роялистов в Советах и полные угроз в их адрес⁶³. В итоге, вместо того, чтобы обрушиться на Гоша в полную силу, депутатам то и дело приходилось подчеркивать:

«И не приближение наших братьев по оружию может их [тревоги] вызывать, возвращение наших увенчанных лаврами детей всегда

---

61 Rapport et projet de résolution présentés par Pichegru, au nom d'une commission spéciale composée des représentants Willot, Doulcet, Normand, Gau et Pichegru. Séance du 8 Thermidor, an 5.

62 Fryer W.R. Op. cit. P. 258.

63 Meynier A. Op. cit. P. 62-63.

пробуждало в наших сердцах самые живые и самые нежные чувства любви, благодарности и патриотизма»⁶⁴.

В разгар этих дебатов Гош покинул Париж. Обычно историки датируют это событие 6 термидора (24 июля)⁶⁵, Ларевельер, как мы помним, уверял, что генерал уехал уже 2-го, Баррас же в своих «Мемуарах» умудрился описать его отъезд дважды. Текст за 8 термидора довольно сух⁶⁶ и, похоже, принадлежит приводившему записки в порядок Русселену де Сент-Альбену, за 15-е же, напротив, изобилует подробностями и повествует о трогательном единении генерала и директора⁶⁷. В то же время, по сохранившимся письмам Гоша мы можем сказать, что 6 термидора он был еще в Париже, а уже 10-го – в Шарлевиле⁶⁸.

Таким образом, отъезд Гоша к войскам 6-7 термидора выглядит весьма вероятным. Что же касается его причин, то о них мы можем лишь догадываться. Скорее всего, генерал не видел смысла оставаться далее в Париже, поскольку переворот отменялся или откладывался, а настроения законодательного корпуса на тот момент были не до конца понятны. На случай, если бы командующего армией Самбры и Мезы решили привлечь к ответственности, в его интересах было находиться подальше от столицы.

Баррас описывает сцену прощания с отбывающим генералом весьма помпезно: «Гош был чрезвычайно взволнован; мы расстались, поклявшись в дружбе на всю жизнь, до гроба», однако о дальнейших планах и, главное, о причинах провала заговора говорит весьма невнятно: «Я ответил Гошу, что [...] двое моих коллег и я сам спасем Республику, мы бесповоротно решили начать действовать через несколько дней, а возвращение Гоша к армии Самбры и Мезы необходимо, чтобы войска, которые он выделит из нее, могли мгновенно подойти к границе конституционного района»⁶⁹.

Очевидно, Баррас имел в виду, что присутствие Гоша позволит

---

64 Rapport fait par Matthieu Dumas, au nom de la commission chargée de l'examen de la résolution sur les limites prescrites aux troupes par l'article 69 de la Constitution, et de celle relative aux mouvements des troupes. Séance du 10 Thermidor, an 5. P. 4.

65 См., например: *Meynier A.* Op. cit. P. 74; *Lefebvre G.* Op. cit. P. 412.

66 *Barras P.* Op. cit. P. 490.

67 *Ibid.* P. 497-498.

68 Ныне Шарлевиль-Мезьер. – A.N., AF III 463. Plaqueette 2802. Doc. 93; *Pierre V.* Op. cit. P. 19.

69 *Barras P.* Op. cit. P. 498, 497.

войскам действовать более оперативно, но что заставило директора отложить переворот, из его воспоминаний остается, увы, непонятным. Так или иначе, Гош оставил Баррасу для связи двух своих адъютантов, а чуть позже отправил в его распоряжение Шерена, 11 фрюктидора (28 августа) назначенного дивизионным генералом и командующим охранной Директории.

Тем временем «триумвират» делал все, чтобы вывести Гоша из-под удара. 8 термидора Ребель, Ларевельер и Баррас подписали следующее постановление:

«Исполнительная Директория одобряет приказ Гоша шести тысячам пехотинцев, двум тысячам кавалеристов и тысяче артиллеристов из армии Самбры и Мезы отправиться в западные департаменты для экспедиции в Ирландию. Данное распоряжение будет направлено военному министру и не будет опубликовано»⁷⁰.

Судя по всему, трое директоров опирались на цифры, которые были к этому времени в их распоряжении – они даже специально вписали их в постановление (в черновике этого документа никаких упоминаний о численности войск не было⁷¹). Однако докладная записка Шерера, направленная Директории в тот же день, свела эти планы на нет. Военный министр сообщал, что Петье приказал повернуть назад войскам, которые шли на Шартр через Ля Ферте-Алэ, а также еще 9 000 солдатам, которые направлялись туда же через Мезьер⁷². К этому письму Шерер приложил полную роспись всех войск, которая указывала, что всего в движение были приведены 15366 человек и 3420 лошадей⁷³. Можно представить себе, какой эффект произвела эта бумага в Люксембургском дворце, тем более, что вскоре известный роялист генерал Вилло задаст с трибуны законодательного корпуса вопрос о том, что общего с предполагаемым десантом имеют «многочисленные подразделения кавалерии, стрелков, тысяча пушкарей с немалым количеством орудий»⁷⁴. Не забудем и о том, что корабли в Бресте были готовы взять

70 A.N., AF III 463. Plaqueette 2801. Doc. 37

71 Ibid. Doc 38.

72 Ibid. Plaqueette 2800. Doc. 33.

73 Ibid. Doc. 34.

74 Motion d'ordre par Willot... P. 3. Впрочем, некоторые историки считают Вилло личным врагом Гоша. См., например: *Font-Réaulx H. de. Le Général Hoche. P., 1889. P. 117.*

на борт всего 6-8 тысяч человек⁷⁵.

Шерер пришел от выявленных им цифр в ярость. В письме Гошу от 9 термидора (27 июля) он негодовал, что за неделю до того Гош общал Директории, будто забрал из армии Самбры и Мезы 8-10 тысяч человек, тогда как по сведениям, стекавшимися в министерство из разных мест, в движение было приведено 15 117 человек (отметим, кстати, что если Гош называл цифры с точностью до нескольких тысяч, Шерер их называет с точностью до человека, хотя и не совсем те, что накануне). Причем, далеко не все солдаты из этого числа Гошем были вовремя остановлены – часть еще находилась в тот момент на марше. Неудивительно, что Шерер потребовал от генерала объяснений⁷⁶.

На следующий день, 10 термидора (28 июля) Шерер, по всей видимости, доложив о разночтениях Директории, направил Гошу распоряжение, подписанное Карно, вернуть «лишних» солдат в армию Самбры и Мезы⁷⁷. При этом министр высказал удивление, что многие генералы находятся не с солдатами, а в Париже – и приказал Гошу отправить их обратно к войскам⁷⁸. Однако Гош отказался подчиниться приказу Директории, избрав на сей раз амплуа «отец солдатам»: дескать, «многочисленные переходы, которые они совершили, тяжкие усилия, которые они затратили, не позволяют генералу вновь отправить их в путь»⁷⁹.

Войска, действительно, прошагали немало, однако в значительной степени это была «заслуга» их командующего. Стремясь произвести переброску войск как можно более скрытно, Гош отправлял солдат на Запад относительно небольшими подразделениями. Не имея с ними связи на марше, генерал наметил лишь конечные точки их маршрута (в лучшем случае, несколько промежуточных), однако ничего не предусмотрел на случай, если заговор будет раскрыт. Как только в законодательном корпусе 2 термидора разразился скандал, войска сразу же стали неуправляемыми, им принялись отдавать приказы все, кому не лень:

---

75 A.N., AF III 463. Plaqueette 2801. Doc. 46.

76 A.N. 193 AP 3. Doc. 86.

77 Как рассказывает Баррас, Карно, некогда активно выступавший за экспедицию в Ирландию, и 8, и 11 термидора на заседаниях Директории высказывается за то, чтобы все войска Гоша вернулись в армию Самбры и Мезы, но оказывается вынужден уступить нажиму «триумвирата». – *Barras P.* Op. cit. P. 489, 491.

78 A.N., 193 AP 3. Doc. 96.

79 Цит. по : *Pierre V.* Op. cit. P. 21.

военный министр, верные министерству генералы, военные комиссары, которыми министерство пыталось командовать через голову Гоша...

К тому же в архивах можно найти немало любопытных распоряжений и за подписью самого Гоша. Так, например, мы знаем, что 2 термидора он приказал генералу Ришпансу сначала отвести войска от столицы, потом 6 термидора направил их в Реймс, затем 10 термидора приказал разделить солдат и перебросить часть из них в Эпернэ, через два часа отменил этот приказ и предписал передислоцировать всех стрелков в Кобленц, а еще через два часа и вовсе распорядился оставить всех на месте до получения дальнейших инструкций⁸⁰.

В свете этого уже не столь убедительно выглядят строки, написанные Гошем 10 термидора военному министру:

«Вы видели из моего предыдущего письма, что я испытывал немало колебаний в том, что касалось перемещения войск; по меньшей мере десять раз они начинали двигаться назад и вперед в соответствии с приказами генералов и министров. Усталые, изнуренные, они не понимают более, кого им надо слушаться, и я едва осмеливаюсь отдавать им приказы на основании тех распоряжений от 8 числа сего месяца, которые я только что от вас получил. Войскам необходимо четыре дня отдыха. [...] Не забывайте, гражданин министр, что можно любить свою родину и не стремиться при этом расстаться с жизнью из-за ошибок, подобных тем, которые имели место на протяжении последних десяти дней»⁸¹.

То есть генерал явно тянул время, и не отказываясь выполнять приказ министерства, и не спеша проводить его в жизнь.

11 термидора (29 июля) генерал Гош, добравшийся уже к тому времени до окрестностей Намюра, направил военному министру еще одно письмо, тон которого был далек от покаянного. Подтверждая получение письма Шерера от 9 термидора, Гош делал вид, что «не слышит» самого главного вопроса – на каких основаниях он вводил всех в заблуждение относительно количества отозванных из армии войск. Вместо этого генерал пытался занять позицию честного, но недалекого солдата, уязвленного в лучших чувствах:

«Не имея под рукой моей корреспонденции, я не могу ответить вам с необходимыми подробностями. Я сделаю это по прибытию

---

80 A.N., AF III 463. Plaquette 2802. Doc. 93.

81 Цит. по : *Pierre V.* Op. cit. P. 21-22.

в Кельн. Я имею основания думать, что и вы, и Директория будете полностью удовлетворены. Однако, господин министр, чтобы я также оказался удовлетворен, вы без сомнения позволите мне опубликовать свой ответ: я полагаю, что моя честь этого требует»⁸².

Далее в послании говорилось, что ему пришлось изменить свои планы и отправиться успокаивать подразделения, возмущенные неуплатой жалования. «Я сомневаюсь, – завершал Гош письмо удивительной для военачальника фразой, – что какие бы то ни было войска захотят отправиться в Брест после того, как армия узнала о моем отказе садиться на корабль»⁸³.

Обнаружить письмо, в котором Гош излагал бы резоны столь вызывающего неповиновения приказам, мне, к сожалению, не удалось. Между тем, они должны быть весьма любопытны, если судить о них, скажем, по письму Гоша Шереру от 19 термидора:

«Я вам повторяю, гражданин министр, что поскольку я не собираюсь отправляться ни в Брест, ни в Алансон, ни в Ренн, ни в Авранш, экспедиция не состоится. Добавлю, что я ограничусь защитой республики от любого вторжения и не стану больше изображать на морях Дон Кихота ради удовольствия пары человек, которым хотелось бы проверить меня...»⁸⁴

Таким образом, препирательства командующего с министром все длились и длились, а войска оставались в опасной близости от столицы. Обеспокоенные этим, сторонники законодательного корпуса активно стремились привлечь внимание к угрожавшей депутатам опасности. В прессе появились сведения о том, что войска шли на Париж скрытно, стараясь избегать основных дорог; после получения приказа отойти от столицы часть войск якобы рассеялась, и солдаты без оружия, а, порой, и переодетыми стали прибывать в Париж, тогда как некоторые офицеры будто бы собирались на совещание в загородном поместье Барраса⁸⁵.

12 термидора военный министр решил принять дополнительные меры, дабы убрать, наконец, войска из-под столицы и еще раз обратился к Директории, проинформировав ее, что в департаменте Марны подходят к концу запасы провизии. Отмечая, что маршрутные листы

---

82 Цит. по: *Ibid.* P. 20.

83 Цит. по : *Ibid.*

84 Цит. по : *Ibid.* P. 27.

85 *Barras P.* Op. cit. P. 493.

подразделениям уже разосланы, министр фактически признавал, что его собственного авторитета недостаточно, чтобы привести войска в движение⁸⁶. Директория тут же издала распоряжение отправить войска назад⁸⁷; на следующий день оно было отправлено Гош⁸⁸. За ним последовало еще одно письмо, в котором Шерер сообщал, что должность командующего армией Самбры и Мезы будет сохранена за генералом, однако лишь до тех пор, пока он не отправится в Ирландию⁸⁹ – не удивительно, что это послание никоим образом не подтолкнуло Гоша к тому, чтобы покинуть берега Франции.

Одновременно Директория продолжала, хотя и весьма неспешно, выяснять, кто же виноват в случившемся инциденте. Спустя 12 дней после объяснительной записки Гоша, 14 термидора (1 августа) Баррас вместе с Ларевельером и Бартелеми подписал распоряжение срочно (*sic!*) вызвать в Париж того самого военного комиссара, с чьего письма все началось, «и не пренебрегать ничем, дабы установить, наконец, автора приказа направить войска на Ля Ферте-Алэ»⁹⁰.

Разумеется, военный комиссар брать на себя ответственность не захотел и заявил, что лишь выполнял распоряжения генерала Ришпанса⁹¹, от которого и получил маршрут следования войск до Шартра. Однако в стремлении сложить с себя ответственность, Лесаж, как и Гош, несколько перестарался: хотя, как мы помним, муниципалитет Ля Ферте-Алэ назвал его имя в своем письме военному министру, военный комиссар заверил Шерера, что войска не должны были, насколько он знал, проходить через злополучный Ля Ферте-Алэ, а сам Лесаж покинул их еще в Реймсе и направился к семье в Шартр⁹². Картина складывается воистину феерическая: все офицеры предстают перед нами как примерные семьянины, для которых долг перед близкими значительно важнее непосредственных служебных обязанностей.

К тому же, хотя и Гош, и Лесаж отвечали на вопросы правительства с характерной для военных «наивной» прямоотой, дело, очевидно,

---

86 A.N., AF III 463. Plaquette 2801. Doc. 49.

87 Ibid. Doc. 48.

88 *Pierre V.* Op. cit. P. 22-23.

89 Ibid. P. 23.

90 A.N., AF III 463. Plaquette 2801. Doc. 53.

91 Ibid. Doc. 55.

92 Ibid. Plaquette 2802. Doc. 79.

обстояло куда сложнее. Сейчас невозможно, увы, это проверить, но в Совете пятисот говорили, к примеру, что тот же Лесаж неоднократно совершал тайные поездки в Париж, а 24 мессидора (12 июля) он, в частности, известил своего коллегу, что четыре подразделения армии Самбры и Мезы станут в Шартре гарнизоном⁹³ – если это правда, то, очевидно, совсем уж никак не вписывается в версию случайного нарушения границ конституционного района.

17 термидора (4 августа) с трибуны Совета пятисот были оглашены новые «факты»⁹⁴: из армии Самбры и Мезы Гошем было отозвано не 9 тысяч солдат, а 26-27 тысяч, войска двигались на Париж «необычными путями», местами их сбора являлись «Шартр, Этамп, Ля Ферте-Алэ». Доклад перенасыщен деталями: войска не подчинялись распоряжениям военного министра, «офицеры и солдаты говорили, что их перебрасывают в Париж против законодательного корпуса, в самых абсурдных ошибках коего их убеждали»; прибыв в ночь с 9 на 10 в Мезьер, Гош отдал войскам приказ двигаться дальше, что противоречило распоряжениям военного министра; в Сен-Дени были сделаны запасы пороха и военного снаряжения; в Шартре пятистам патриотам раздали ружья...⁹⁵ Тем не менее, Совет воздержался от решительных действий, ограничившись сделанным Директории запросом. Де Ля Рю⁹⁶, выступавший с этим докладом, писал впоследствии, что его итогом должно было стать предложение составить обвинительный акт против «триумвирата» и заменить его креатурами Советов, но соратники не поддержали его⁹⁷.

Примерно в это же время произошло еще одно важное событие: Баррас договорился, наконец, с Бонапартом. Правда, «генерал вандемер» отказался явиться в Париж лично: Бонапарт справедливо полагал, что в случае успеха участие в перевороте ничего не добавит к его

---

93 Rapport fait par Delarue, au nom de la commission des inspecteurs du palais national des cinq-cents, sur le mouvement & la direction sur Paris & ses environs, de corps de troupes détachés de l'armée de Sambre-&-Meuse. Séance du 16 Thermidor, an V. P. 5.

94 Rapport fait par Delarue... Хотя доклад датирован 16 термидора, произнесен он был 17-го.

95 Впрочем, впоследствии генерал Ришпанс попросил муниципалитет Шартра отправить Директории официальную бумагу о том, что никакие ружья розданы не были. – Message. Extrait du registre des délibérations du Directoire exécutif du 2 Thermidor... P. 4.

96 Исаак-Этьен де Ля Рю (de La Rue) (1760-1830) – известный роялист, член комиссии инспекторов зала заседаний Совета пятисот, один из тех, кто наиболее рьяно обличал нарушение войсками Гоша границ конституционного района.

97 *Lefebvre G. Op. cit. P. 417.*

популярности, тогда как провал может оказаться для нее фатален. Однако командующий итальянской армией согласился прислать вместо себя генерала П.Ф.Ш. Ожеро⁹⁸, который в итоге сыграл 18 фрюктидора примерно ту же роль, что ранее отводилась Гошу, с той лишь разницей, что Ожеро прибыл без собственных войск и был назначен командующим вооруженными силами Парижа.

Это сразу же актуализировало прежнюю задачу: каким образом перебросить верные «триумvirату» войска в столицу, не привлекая внимание прессы и депутатов. Один из сохранившихся документов наводит на мысль, что Гошу это постепенно удавалось сделать. Так, 17 термидора (4 августа) Карно переслал Шереру жалобу двух депутатов от департамента Уаза, якобы попавшую к нему по ошибке (что само по себе довольно странно: едва ли законодатели так перетрудились, что перепутали директора с военным министром). В ней депутаты негодовали, что из-за расположенных в Бовэ гусарских подразделений «сельскую местность по направлению на Париж наводнили группы дезертиров по четыре-шесть человек, с оружием и лошадьми»⁹⁹. На мой взгляд, направление, в котором «разбегались» «дезертиры», говорит само за себя. Тем не менее, Шерер предпочел воспринять депутатский запрос буквально и к 15 фрюктидора (1 сентября) подготовил для Директории аналитическую записку о том, действительно ли в Париже находится много военных. Изложенные в ней выводы были весьма утешительными: с точки зрения министра, ощущение изобилия людей в военной форме создавалось в основном от того, что ее носили отставники и офицеры без должностей¹⁰⁰. И все же мы знаем, что (преднамеренно или нет) Шерер ошибался: едва вступив в должность, Ожеро принялся раздавать увольнительные, которые позволили солдатам прибывать в столицу, уже не изображая из себя дезертиров¹⁰¹.

Отстраненный от непосредственного участия в заговоре, Гош сосредоточился на дальнейшем выстраивании своей защиты. В послании Директории от 19 термидора (6 августа), написанном в ответ на поста-

---

98 *Barras P.* Op. cit. P. 496-497. Кроме того, как полагает Матьез, и Гош, и Бонапарт предоставили Директории деньги на проведение переворота. – *Mathiez A.* Op. cit. P. 325, 326.

99 Цит. по: *Pierre V.* Op. cit. P. 26.

100 *Pierre V.* Op. cit. P. 33-34. Трудно сказать, в какой степени Шерер лукавил, но то, что он сохранил свой пост и после переворота 18 фрюктидора, говорит само за себя.

101 *Godechot G.* Op. cit. P. 313.

новление Совета пятисот о предании суду военного трибунала ответственных за передвижение войск, Гош храбрился и требовал «указать ему трибунал, в который можно обратиться, чтобы обрести причитающееся ему правосудие»¹⁰². При этом, хотя на обмен письмами между Гошем и Шерером, судя по архивным материалам, было за глаза достаточно четырех дней, 21 термидора Шерер все еще не получил от командующего армией Самбры и Мезы никакого ответа на письма, отправленные 12 и 13 термидора, а те подразделения, которые должны были вернуться обратно, по-прежнему этого не сделали¹⁰³.

Победа ускользала от законодательного корпуса. Вместо того, чтобы воспользоваться неудавшимся заговором и отстранить «триумвират» от власти, или, на худой конец, продемонстрировать военным, на чьей стороне сила, депутаты вынуждены были наблюдать, как Гош игнорирует приказы министра, а виновные в нарушении конституции один за другим ускользают от суда. Единственным офицером, который в этой ситуации еще оставался под ударом, был Ришпанс. Однако известного своей отвагой боевого генерала, чье имя ныне начертано на Триумфальной арке в Париже, было не так-то просто смутить. 22 термидора (9 августа) Директория, наконец, получила его объяснительную, в которой Ришпанс, процитировав приказ Гоша отправить войска в Брест через Шартр и Алансон, «простодушно» добавил:

«Я абсолютно не ведал, что есть закон, запрещающий войскам подходить к Парижу ближе, чем примерно на 12 лье; я и не собирался заставлять их проходить через сам Париж; сложности с поддержанием порядка в войсках, расквартированных в большом городе, – единственная причина, заставившая меня его избегать; а если бы мои намерения не были чисты, я бы не стал обращаться к военному комиссару, у которого было еще шесть дней до подхода войск»¹⁰⁴.

Таким образом, Ришпанс готов скорее был расписаться в том, что он не читал Конституцию, нежели в злом умысле: за незнание основного закона страны простого генерала очень сложно наказать. И это не фигура речи: в статье уголовного кодекса, которую в Совете пятисот в разгар событий предлагали использовать¹⁰⁵ против виновных, говорилось,

---

102 A.N., AF III 463. Plaqueette 2802. Doc. 85.

103 A.N., 193 AP 3. Doc. 94.

104 A.N., AF III 463. Plaqueette 2802. Doc. 93.

105 Corps Législatif. Procès-verbal des séances du conseil des anciens. Thermidor, an V. P. 31.

что если войска нарушают границы конституционного района, то член Директории, министр или главнокомандующий, отдавший такой приказ без санкции законодательного корпуса, караются 10 годами тюрьмы. О «простых» генералах речи не шло.

Но тогда в несколько ином свете предстает и довольно сомнительная, как казалось поначалу, попытка Гоша переложить ответственность на подчиненных ему офицеров. Если бы вести войска на Париж приказал сам командующий, это явно трактовалось бы как политическое решение и лишнее доказательство существующего заговора. Под пером Ришпанса ситуация превращалась в техническую ошибку: мало ли кто какие законы принимает, боевому офицеру и читать-то их некогда. Как ни странно, генералу поверили: в выводах комиссии Совета старейшин, расследовавшей нарушение границ конституционного района, мы читаем: «Декларация генерала Ришпанса кажется искренней; она носит характер откровенности военного, в ней есть верность и даже простодушие»¹⁰⁶

23 термидора (10 августа) Директория сообщила Совету пятисот основные положения заявления Ришпанса. Вместе с тем, в своем послании она предпочла сосредоточиться на другом: члены правительства рисовали широкую картину роялистского заговора, отмечали усилившуюся активность сторонников восстановления монархии¹⁰⁷. Тем самым «триумвират» давал понять депутатам, что он настроен дать отпор роялистам и считает дальнейшее обсуждение передвижений войск Гоша не заслуживающим внимания. После объяснения Ришпанса досье Директории по поводу нарушения границ конституционного района фактически оказалось закрыто. Круг замкнулся, виноватых не нашлось.

А «триумвират» между тем ждал лишь окончания полномочий Карно в качестве председателя Директории. Когда 6 фрюктидора (23 августа) они истекли и настал черед Бартелеми занять этот пост, «триумвират» неожиданно потребовал голосования, по итогам которого победил проголосовавший сам за себя Ларевельер-Лепо¹⁰⁸. До переворота

---

106 Rapport de Tronson-Ducoudray, au sujet du message du Directoire concernant l'approche des troupes, & les adresses de l'armée d'Italie. Séance du 3 Fructidor an V. P. 9. Комиссия из инспекторов зала заседаний Совета пятисот, после неоднократных встреч с Ришпансом, также сделала вывод, что его объяснения заслуживают доверия. – *Thibaudeau A. C.* Op. cit. P. 237.

107 *Moniteur*. Vol. XXVIII. P. 767.

108 *Mathiez A.* Op. cit. P. 327.

18 фрюктидора V года, когда маски, наконец, будут сброшены, оставалось менее двух недель.

* * *

Таким образом, расследование странного поведения генерала Гоша и его офицеров окончилось ничем, а переворот 18 фрюктидора и вовсе заставил забыть про удивительные перемещения войск армии Самбры и Мезы. Ход событий пришлось восстанавливать историкам. Попробую и я предложить свою версию происходившего в столице и ее окрестностях летом 1797 г.

Качнутся чаши весов в пользу роялистов или республиканцев во многом зависело от политического курса Директории, а расстановка сил внутри Директории – от позиции Барраса. До того, судя по всему, он делал авансы как сторонникам восстановления монархии, так и их противникам, хотя, разумеется, сегодня невозможно сказать, насколько Баррас при этом был искренен. Однако общий политический расклад летом 1797 г. не благоприятствовал роялистам. Хотя они и пользовались поддержкой в стране и даже фактически одержали победу на выборах, свержение республики могло бы стать реальностью, если бы сторону заговорщиков принял либо законодательный корпус, либо правительство. Однако среди членов Директории надеяться в этом плане можно было только на Бартелеми: Карно поддержать роялистов не рискнул. В Советах сторонникам восстановления монархии также не хватало решимости, они были разобщены, не имели четких планов действий и единого видения будущего страны.

Разыграть республиканскую карту казалось значительно проще. Можно было не менять Конституцию, Ларевельер и Ребель были не против образовать с Баррасом достаточное для принятия решений большинство, и к тому же Баррас хорошо знал несколько генералов, готовых его поддержать.

Очевидно, на этапе предварительной подготовки заговора Баррасу предстояло определиться, на кого из генералов сделать ставку. Альтернативой Гошу был, естественно, Бонапарт. Трудно сказать, расстроило ли директора его нежелание прибыть в Париж с войсками, но подозреваю, что оно было ему только на руку: к 1797 г. командующий Итальянской армией уже приобрел политические амбиции. Гош же, напротив,

был полон решимости действовать бескорыстно. Экспедиция в Ирландию предоставила и возможности и, главное, повод для перемещения войск, тем более что для успеха десанта необходимо было соблюдение режима полной секретности. Соответственно, Трюге и Гош сделали все, чтобы не ставить в известность о своих планах ни Советы, ни даже казначейство¹⁰⁹.

Скорее всего, установить в точности, когда именно была достигнута договоренность между Баррасом и Гошем, ныне уже невозможно. Могу лишь предположить, что последние детали предстоящей операции согласовывались ими не лично, а в письмах. Пылкий генерал так часто выказывал готовность поправить закон, чтобы покарать противников республики, что требовалось лишь дать ему знать: час настал. Напротив, даты начала первого этапа реализации заговора установить не сложно: это произошло не позже 13-17 мессидора (1-5 июля), когда Гош приступил к переброске войск из армии Самбры и Мезы, увеличив их количество, по сравнению с условленным, в два, а то и в три раза.

Здесь заговорщиками была совершена первая ошибка. Баррас обеспечил Гошу стопроцентное алиби: операция была одобрена и Директорией, и морским министерством. Естественно, это алиби касалось только тех 6-8 тысяч человек, которых готовы были взять на борт корабли, вставшие под погрузку в Бресте. Однако командующий приготовил директору сюрприз: разбив солдат на относительно небольшие группы и предписав им двигаться на столицу «необычными путями», Гош отозвал из армии существенно большее количество солдат, усилив их артиллерией, уже доказавшей свою эффективность в городских боях в ходе восстания 13 вандемьера. Видимо, генерал надеялся, что при стремительном темпе операции сосчитать войска на разных дорогах никому в голову не придет, а в Париже они окажутся нелишними.

Вторая часть заговора оказалась разыграна как по нотам: думая, что может опереться на Барраса, Карно в двадцатых числах мессидора предложил обновить состав министров, однако когда дело дошло до голосования, он и Бартелеми с изумлением выяснили, что проиграли – не случайно, по понятной аналогии, в историографии это событие порой называют «день одураченных»¹¹⁰. «Триумвират» в открытую заявил о своем существовании.

---

109 *Meynier A.* Op. cit. P. 67-68.

110 *Godechot G.* Op. cit. P. 312.

Так вся история с назначением Гоша военным министром приобретает совсем иное звучание: для генерала она отнюдь не должна была выглядеть плодом странной забывчивости Барраса, не удосужившегося уточнить год его рождения. Но оказалось ли это назначение для Гоша неожиданностью? Для ответа на этот вопрос я располагаю всего лишь одним косвенным свидетельством: в письме к генералу Ришпансу от 2 термидора (20 июля) Гош сообщал, что из-за смены министерства экспедиция оказалась отложена¹¹¹. Вне зависимости от того, был ли Ришпанс посвящен в заговор, очевидно, это означало, что отставка Петье вносила коррективы в изначальные планы командующего.

Действительно ли кандидатуру Гоша предложил, по своим резонам, Ларевельер-Лепо, как он о том рассказывает в своих мемуарах? Если это так, тем более следует отдать Баррасу должное: в ходе той же самой смены министров он уже один раз выставил Ларевельера простаком, сыграв так, чтобы тот предложил на должность министра внешних сношений другую креатуру Барраса – Ш.М. Талейрана¹¹². В любом случае, назначение Гоша преследовало тройную цель – публично продемонстрировать республиканские симпатии «триумвирата», подать генералу знак, что за Баррасом стоит большинство Директории, и обеспечить прикрытие заговора: в суматохе, связанной с уходом Петье, тому было бы не до перемещения войск из армии Самбры и Мезы.

Однако здесь грубую ошибку совершил уже Баррас: замена министров оказалась произведена слишком рано. Возмущение законодательного корпуса назначением Гоша только привлекло к генералу ненужное внимание. Победа неожиданно обернулась поражением. К тому же из-за строптивости муниципалитета Ля Ферте-Алэ о перемещении войск в Париже узнали за две недели до того, как они были готовы подойти к столице. Тем не менее, на том этапе и Баррас, и Гош еще не готовы были признать, что заговор погублен, и продолжали бороться.

В связи с первыми этапами реализации заговора исследователей нередко занимают еще две проблемы. Первая из них: вел ли Баррас переговоры с Гошем только от собственного имени или же, как предполагали некоторые современники и историки¹¹³, с согласия и по поручению

---

111 A.N., AF III 463. Plaqueette 2802. Doc. 93.

112 *Larevellière-Lépeaux L.* Op. cit. P. 114.

113 См., например: *Ivernois Francis sir d'.* Tableau historique et politique de l'administration de la république française pendant l'année 1797, des causes qui ont amené la révolution du 4 septembre, et ses

Ларевельера и Ребеля? Кто знает. Важно лишь, что разрешение этой загадки, по сути, не имеет никакого значения, ибо впоследствии они в любом случае оказались вынуждены поддержать замыслы Барраса.

Значительно более принципиален другой вопрос: понимал ли Гош, во что ввязывается, или же действительно полагал, что удастся остаться в рамках закона? В.А. Погосян специально подчеркивает: «Из рапорта Гоша военному министру от 13 мессидора (1 июля) становится совершенно очевидным, что он не был в курсе той игры, в которую вступил. Он еще не знал, что полученный от Директории приказ был делом рук одного Барраса»¹¹⁴. Признаться, этот тезис не кажется мне до конца убедительным. В письме Гоша Петье было сказано, что войска начали перемещение по распоряжению Директории – но что еще Гош мог написать, даже если такого распоряжения и не было? К тому же, как мы теперь знаем, Гош намеренно стремился запутать министра, сообщив ему о переброске лишь небольшой части войск.

Если бы Баррас обманул командующего, едва ли они продолжали бы мирно сотрудничать и дальше. Между тем, Русселен свидетельствует, что 6 термидора один из участвовавших в заговоре депутатов встретил возвращавшегося от Барраса генерала Гоша, и тот якобы ему заявил, что все остается в силе¹¹⁵. Чтобы объяснить поведение Гоша, Мейнье пришлось даже придумать, что хотя 2 термидора Баррас с генералом поссорились, 5-го они уже помирились¹¹⁶. Оставим и сам «факт», и его датировку полностью на совести этого историка.

Попутно замечу, что поведение главных участников заговора на заседании Директории 2 термидора (20 июля) представляется мне не только логичным, но и единственно возможным. Историки, как правило, следуют за простодушным Ларевельером-Лепо, возмущавшимся тем, что Баррас не поддержал Гоша и не взял всю ответственность на себя¹¹⁷, но не задумываются о том, что директор и не мог этого себе позволить. Ведь Баррас сам по себе имел не больше формальных оснований одобрять поведение Гоша, нежели Карно – его осуждать. Требовалось *принять решение* от имени всей Директории. Для Карно инициировать

---

résultats. Londres, Février 1798; *Mathiez A.* Op. cit. P. 318.

114 *Погосян В.А.* Переворот 18 фрюктидора V года во Франции. Ереван, 2004. С. 131.

115 *Rousselin A.* Op. cit. P. 284.

116 *Meynier A.* Op. cit. P. 74.

117 *Ibid.* P. 72; *Lefebvre G.* Op. cit. P. 408.

голосование в такой ситуации было бессмысленно: очевидно, «триумвират» такую инициативу не поддержал бы. Однако и для Барраса перевод ситуации в официальную плоскость не сулил никакого выигрыша, ведь по ст. 69 Конституции III года одобрить введение войск в пределы конституционного района имел право лишь законодательный корпус. Проведи Баррас при помощи Ларевельера и Ребеля постановление о санкционировании Директорией всех приказов Гоша, депутаты получили бы все основания отдать «триумвират» под суд за грубейшее нарушение Конституции. Тогда как при выбранной Гошем форме защиты виновных в итоге не оказалось.

Подозреваю, что тезис о разрыве между Баррасом и Гошем историкам кажется тем более убедительным, что Директория не отказалась от проведения расследования и даже предписала впоследствии часть войск отправить в Брест, а часть – вернуть обратно. Как мне видится, это всего лишь известное заблуждение, которое возникает у каждого, предполагающего, что официальные документы адекватно отражают процессы, происходящие в реальной жизни. По крайней мере, картина, которую нарисовал своим английским покровителям один из роялистских агентов в последний день июля, была принципиально иной: приказы об отступлении солдат из конституционного района отменены; Париж окружен войсками со всех сторон, и в любой момент ожидают, что доступ продовольствия в столицу может быть прекращен; небольшая часть солдат в гражданской одежде проникла в Париж; командуемый ими генерал Лемуан также находится в городе, размещая своих людей и занимаясь сбором информации¹¹⁸.

Разумеется, ничто не заставляет принимать эти сведения на веру, однако сохранившиеся в архивах документы показывают, что хотя сам Гош и не принимал участия в событиях 18 фрюктидора, о его генералах Лемуане и Ришпансе Директория не забыла. По распоряжениям, отданным «триумвиратом» накануне переворота, мы знаем, что подчиненные Лемуану подразделения к этому времени еще так и не добрались до Ренна и получили приказ перебазироваться в Дре¹¹⁹ (город примерно в 80 километрах к западу от Парижа), а войска Ришпанса, которые и вовсе застряли в департаменте Марна, начали перебрасывать в Шато-

---

118 *Fryer W.R.* Op. cit. P. 261.

119 A.N., AF III 463. Plaquette 2802. Doc. 111.

Тьерри¹²⁰ (расположенный на чуть большем расстоянии от столицы, но к северо-востоку). Таким образом, заговорщики обоим генералам явно доверяли, а приказы Шерера так и остались на бумаге.

Вместе с тем, несмотря на успех государственного переворота, проведенного в начале сентября, следует признать, что организованный Баррасом заговор все же провалился. Запланированная на лето чистка Советов и Директории не состоялась. И здесь сыграли свою роль еще три ошибки, совершенные Гошем.

Уже сама по себе переброска войск под Париж в количестве, значительно превышавшем согласованное, – явная авантюра. Однако, если судить по решению Директории, одобдившей задним числом отправку в Брест 9 тысяч человек, даже прибыв в столицу и встретившись с «триумвиратом» лично, Гош умудрился не поставить Барраса в известность, что реальное количество задействованных в операции войск существенно отличается от запланированного. Именно это обратило в прах заготовленное Баррасом алиби и помешало ему на ходу перестроить план заговора. Теперь, если бы он решился использовать приведенные генералом подразделения, это выставило бы членов «триумвирата» лжецами. К тому же, в отчаянной попытке сосчитать, наконец, людей Гоша, военный министр привел в движение весь подчиненный ему аппарат на местах, и за любыми перемещениями вооруженных сил в пределах конституционного района теперь присматривали все, кому не лень. Эффект неожиданности был бесповоротно утерян.

Другим просчетом генерала стало то, что он заметался вместо того, чтобы повиниться и вернуть лишних солдат в распоряжение армии: Гош принялся обманывать военного министра, изматывать солдат противоречивыми приказами, отменять распоряжения вышестоящего военного начальства, а в итоге и вовсе отказался от экспедиции в Ирландию, сделав свое поведение еще более подозрительным, а приказы Директории – бессмысленными.

В самом конце июля другой генерал, Вилло, привлек внимание еще к одному просчету Гоша:

«Если они действительно шли в Брест, им следовало бы указать путь в более чем десятке лье к северо-западу от Парижа, а не к югу и к востоку. Если за этим огромным отклонением от цели стоит лишь

---

120 Ibid. Doc. 112.

халатность, стоило бы лишь изменить угол и отправить эти войска к океану. Однако получение ими внезапного приказа вернуться обратно безоговорочно доказывает, что для экспедиции в Брест они были бесполезны»¹²¹.

Иными словами, Гош перехитрил сам себя. В конце концов, если что и оставалось неизвестным депутатам, так это грузоподъемность стоявших в Бресте кораблей. Сообщил он Баррасу заранее, сколько именно войск покинуло армию Самбры и Мезы, можно было бы сделать вид, что все они направляются в Ирландию, за исключением части кавалерии и артиллерии, предназначенных, к примеру, для усиления прибрежных гарнизонов. Не пожелай Гош сбить всех с толку, организовав появление солдат под Парижем с самых неожиданных сторон, он имел бы право по-прежнему делать вид, что войска всего лишь сбились с пути. В итоге же Баррасу пришлось срочно готовить новый план переворота, отказавшись от услуг непредсказуемого генерала, а Гошу – брать всю ответственность за провал заговора на себя.

Таким образом, с моей точки зрения, большинство исследователей не совсем верно представляли себе те события, которые развернулись вокруг столицы летом 1797 г. Воспользовавшись военными аналогиями (не будем забывать, что не только Гош, но и Баррас имел генеральское звание), можно сказать, что Баррас двинул свои войска на противника во многом положившись на ум и изобретательность подчиненных ему военачальников, а в результате вместо победоносной битвы получилась лишь разведка боем. Однако она отнюдь не означала поражения: отведя армию назад и перегруппировав силы, сделав выводы из совершенных ошибок, 18 фрюктидора непотопляемый директор добился своего. Другое дело, что Баррас одержал победу, как мне видится, в основном благодаря искуснейшему использованию двух ни в коей степени от него не зависевших факторов: прореспубликанского настроения солдат ряда армий и пассивности законодательного корпуса, так и не рискнувшего перейти в контрнаступление.

Хотя войска генерала Гоша не добрались ни до Ирландии, ни до Парижа, они продемонстрировали и парижанам, и депутатам, на чьей стороне сила. И тем самым, в конечном счете, сыграли свою роль. «На самом деле, – справедливо отмечал Ж. Лефевр, – хотя Бонапарт и стал

---

121 Motion d'ordre par Willot... P. 3.

сообщником проведенной 18 фрюктидора операции, она по-прежнему оставалась делом Гоша и его армии Самбры и Мезы. Бонапарт не предоставил для нее войск, он отправил одного только Ожеро, а ведь Гош еще и взял на себя труд снабдить войска командирами»¹²². И не только командирами: самую непосредственную роль в подготовке переворота сыграл начальник его штаба генерал Шерен¹²³.

Трудно отрешиться и от более общих размышлений, которые вызывает этот эпизод истории Французской революции. При всей его незначительности в масштабах революционного времени, в нем отразились многие характерные черты эпохи: огромная роль тайных интриг и заговоров, возросшее значение республиканских армий, только-только начинающих вторгаться в политику, хрупкость законодательства и конституции, вера в правильные слова и хорошие законы, в прямодушных генералов и верных солдат.

Кроме того, можно по-разному относиться к Бонапарту и его победам, однако эта история показывает, чего стоят разговоры о том, что на его месте мог бы оказаться и любой другой знаменитый генерал. Гошу было не занимать популярности и отваги, однако его единственная попытка из лучших побуждений выступить на политическом поприще окончилась досадным провалом.

---

122 *Lefebvre G.* Op. cit. P. 412.

123 *Crepin A.* Op. cit. P. 554.